

*Реакция 1862—1863 годов. Борьба с ней в стихах Некрасова.
«Благодарение Господу Богу» и др. Образы реакционеров
(«Из автобиографии генерал-лейтенанта Рудометова 2-го»)*

Если уже в 1861 году правительство вступило на путь кровавого подавления крестьянского движения, что свидетельствовало о наступлении реакции, то в 1862 году реакция была в полном разгаре. Ее блестяще охарактеризовал В. И. Ленин в своей известной работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (1901). Ссылаясь на статью Л. Ф. Пантелеева «Из воспоминаний о 60-х годах», но не принимая ложных выводов этой статьи, Ленин приводит из нее следующие факты: «„К началу 1862 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; малейшее обстоятельство могло резко толкнуть ход жизни в ту или другую сторону. Эту роль и сыграли майские пожары 1862 года в Петербурге“. Начались они 16-го мая, особенно выделились 22 и 23-го мая — в этот последний день было пять пожаров, 28-го мая запылал Апраксин двор и выгорело громадное пространство вокруг него. В народе стали обвинять в поджогах студентов, и эти слухи повторялись газетами. Прокламацию „Молодой России“, которая объявляла кровавую борьбу всему современному строю и оправдывала всякие средства, рассматривали как подтверждение слухов об умышленных поджогах. „Вслед за 28-ым мая в Петербурге было объявлено нечто вроде военного положения“. Учрежденному особому комитету было поручено принятие *чрезвычайных мер* к охране столицы. Город был разделен на три участка, с военными губернаторами во главе. По делам о поджоге введен военно-полевой суд. Приостановлены на 8 месяцев „Современник“ и „Русское Слово“, прекращен „День“ Аксакова, объявлены суровые временные правила о печати (утвержденные еще 12-го мая, т. е. до пожаров. След., „ход жизни“ резко направлялся в сторону

реакции и независимо от пожаров, вопреки мнению г. Пантелеева), правила о надзоре за типографиями, последовали многочисленные аресты политического характера (Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, Рымаренко и др.), закрыты воскресные школы и народные читальни, затруднено разрешение публичных лекций в С.-Петербурге, закрыто 2-ое отделение при Литературном фонде, закрыт даже Шахматный клуб.

«Следственная комиссия не открыла никакой связи пожаров с политикой... есть очень веское основание думать, что слухи о студентах-поджигателях распускала полиция. Гнуснейшее эксплуатирование народной темноты для клеветы на революционеров и протестантов было, значит, в ходу и в самый разгар „эпохи великих реформ“».¹

Правительственная реакция чувствительно задела Некрасова как журналиста, ибо следствием ее была длительная приостановка его журнала, грозившая перейти в запрещение, и арест его ближайших сотрудников по журнальной работе, среди которых никто не был ему так лично близок, как Чернышевский (Добролюбов умер еще в ноябре 1861 года).

Некрасов, однако, восстал против реакции не из побуждений личного порядка, а как передовой деятель своей эпохи. Как только закончился восьмимесячный срок приостановки «Современника», Некрасов возобновил его издание. Правда, среди его сотоварищей по изданию уже не было ни Добролюбова, ни Чернышевского, но последний, и находясь в заключении, продолжал работать для «Современника». В трех весенних (№№ 3, 4 и 5) книжках журнала за 1863 год появился его замечательный роман «Что делать?». Одного появления этого романа, проповедывавшего революционные, социалистические и материалистические идеи, было достаточно, чтобы каждый сознательный читатель убедился, что «Современник» не помышляет спускать флага перед реакцией. Демократическое направление придавали «Современнику» и новые соредакторы Некрасова М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Антонович, Г. З. Елисеев. Среди них непоколебимостью своих революционно-демократических убеждений и размерами художественного дарования, истинно необъятного, выделялся Салтыков-Щедрин. Он обогатил «Современник» рядом художественных произведений, вошедших впоследствии в его

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 27

сборники, и множеством ценных публицистических («Наша общественная жизнь») и критических статей.

«Современник» этих лет (1863—1865) вел жестокую полемику с реакционными и либеральными органами печати («Русским вестником» Каткова, «Отечественными записками» Краевского, «Эпохой» бр. Достоевских) и ни на пядь не уступал своим противникам.

Но не только как редактор-издатель «Современника» боролся Некрасов с реакцией. Он боролся с ней и как вдохновенный поэт революционной демократии. Главным орудием борьбы против реакции Некрасов избрал сатиру, и никогда сатирические элементы его поэзии не достигали еще такого развития, как в середине второй половины 60-х годов. Однако, борясь с реакцией, Некрасов нередко прибегал и к чисто лирическим жанрам.

С них мы и начнем.

Особенно характерны стихотворения 1862 года — «Литература, с трескучими фразами» и «Надрывается сердце от муки». И в том, и в другом говорится, что измученный впечатлениями реакции поэт ищет отдыха и успокоения на лоне природы.

Но жизнь на лоне природы если и может дать успокоение мятущейся душе поэта, то только на время. Жизнь на лоне природы, — это жизнь в деревне, а деревенские впечатления, увы! не только не приносят успокоения, а дают пищу для новых тревог, для новых мучительных душевных переживаний, ибо

... крестьяне с унылыми лицами
 Не услаждают очей;
 Их нищета, их терпенье безмерное
 Только досаду родит...

Совершенно ясно, что в этих классических строках нашли себе отражение те же чувства, которые двумя годами ранее продиктовали Некрасову его знаменитое обращение к бурлаку («На Волге»):

Чем хуже был бы твой удел,
 Когда б ты менее терпел?

Так говорить мог только поэт революционной демократии, страстно веривший в то, что только тогда народу будет жить лучше, когда он перестанет терпеть, когда, иными словами, он поднимется против своих угнетателей.

И не только потому жизнь на лоне природы, в деревенской обстановке не может дать успокоения душе поэта, что его воз-

мущают «нищета и терпенье безмерное» народа, но и потому, что вокруг себя он видит все те же картины крестьянских горя и бедности.

Попрежнему вянет

... до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

«Вянет» потому, что превышает человеческие силы тот труд, который падает на плечи крестьянки в знойные дни «страды деревенской»¹ («В полном разгаре страда деревенская», 1862).

Попрежнему опустошающие пожары истребляют целые деревни («Пожарище», 1863).

Приблизительно в одно время с «Пожарищем» создано и другое лирическое стихотворение Некрасова — «Калистрат», причем совершенно ясно, что образ Калистрата — это обобщенный образ задавленного нуждой и бедностью русского народа, хотя на первый взгляд может показаться, что, рисуя этот образ, Некрасов не пошел дальше воспроизведения одного из непосредственных и конкретных жизненных впечатлений. Поразительное умение простой зарисовке отдельных картин и образов придавать значение социальных обобщений чрезвычайно широкого охвата — одна из наиболее характерных, если не самая характерная особенность некрасовского реализма. Именно она позволяет говорить о нем как о художнике не просто талантливым, а гениальном.

Не только порождающие досаду «терпенье безмерное» и нищета российских «калистратов» лишают поэта возможности даже на лоне природы отрешиться от тяжелых впечатлений, навешаемых реакцией. И в деревенской тиши реакция подчас напоминает о себе весьма ощутительно, о чем свидетельствует содержание стихотворения «Благодарение господу богу» (1863).

¹ Любопытно, что за четыре года до создания этого стихотворения Некрасовым подобный же сюжет разработал в стихотворении «Сон» (1858) Шевченко. Однако у Шевченко, поэта, идеологически очень близкого Некрасову, краски значительно светлее, чем у Некрасова. Мать в стихотворении Шевченко хотя еще жнет «на барском поле», но во сне уже видит, как ее сын жнет «на собственном поле», жнет «с лицом довольным». Нет сомнения, что сравнительно оптимистический колорит стихотворения Шевченко объясняется тем, что оно написано до реформы, когда надежды на то, что она внесет в крестьянскую жизнь существенные перемены к лучшему, еще не были потеряны, а стихотворение Некрасова написано вскоре после реформы, когда ее грабительский характер уже полностью обнаружился.

Это замечательное стихотворение продолжает ту линию «дорожных», если так можно выразиться, стихотворений Некрасова, которые возникли в результате дорожных впечатлений, а дорожные впечатления в жизни Некрасова, ежегодно, а то и по несколько раз в год колесившего во время своих охотничьих поездок и по столбовым дорогам и по проселкам, занимали видное место. «Дорожные» стихотворения обычно строились или как изложение бесед с ямщиками («В дороге»), или как описание дорожных встреч («Школьник»). Нередко в этих стихотворениях имелась в виду определенная дорога, чаще всего, та именно, по которой гнали партии ссыльных и увозили в сопровождении жандармов тех, кого принято было в те времена называть «политическими преступниками». К числу стихотворений этого рода относится стихотворение «Перед дождем», а тем более стихотворение «Благодарение господу богу». Последнее отличается от первого не только своими размерами, — оно приблизительно в три раза больше, но и несравненно большей конкретизацией и политическим заострением темы. В стихотворении «Перед дождем» только одно слово «жандарм», замененное, из цензурных соображений, в печатном тексте словом «денщик», дает понять, что речь идет о «преступнике», отправляемом в ссылку. В стихотворении же «Благодарение господу богу», представляющем собой диалог между бариним (он же автор) и ямщиком, говорится не только о «преступнике», но и дается характеристика самой дороги — эта характеристика вложена поэтом в уста главным образом барина, но отчасти и ямщика.

Если первое высказывание барина о дороге:

Только тронулись по ней,
 Стала мне эта дорога показывать
 Тени погибших людей,

Бледные тени! ужасные гени!
 Злоба, безумье, любовь...
 Едем мы, братец, в крови по колени! —

вызывает скептическое замечание ямщика:

«Полно — тут пыль, а не кровь...»

то в дальнейшем и барин и ямщик находят уже общий язык.

Когда барин говорит, что песню про эту дорогу нельзя петь, не проливая слез, то ямщик отвечает ему:

«Песня про эту дорогу уж спета,
 Да что в ней проку? . . . Тоска!»

Когда барин заявляет, что «народ *проторенной цепями* эту дорогу зовет», — то ямщик подтверждает это:

«Верно! увидишь своими глазами,
Русская песня не врет!»

И, действительно, вскоре барин получает наглядное доказательство того, насколько правдива упомянутая ямщиком русская песня:

Скоро попались нам пешие ссыльные,
С гиком ямщик налетел,
В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел...

Подле лица — молодого, прекрасного
С саблей усач (негодяй)...¹
Брат, удаляемый с поста опасного,
*Есть ли там смена?*² Прощай!

Нет надобности распространяться об исключительной остроте и резкости этого стихотворения. Если в начале его, быть может, речь идет об «уголовных преступниках», то в заключительной части Некрасов, без сомнения, говорит о «политическом преступнике».

Некрасов буквально не находит слов, чтобы выразить по его адресу чувство уже не просто симпатии, а искренней и глубокой любви. Уже наружность его, в изображении поэта, обаятельна: «лицо молодое, прекрасное». Упоминание о молодости сразу же дает понять, что речь идет о представителе молодого поколения, что вполне соответствовало действительному положению вещей, ибо в те времена основные кадры революционных деятелей поставляло именно молодое поколение. Эмоциональную выразительность образа «путника пыльного» подчеркивает исключительно смелое, более чем определенно выявляющее отношение к нему автора обращение:

Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена? ..

Если вспомнить, что совсем недавно, вписывая в альбом Шелгуновой ярко революционные строки из стихотворения

¹ У автора этих строк находилась в руках книжка прижизненного издания стихотворений Некрасова, в которой многоточие, следующее после слова «усач», было заменено словом «негодяй», вписанным неизвестной рукой, а потому вполне возможно предположить, что в автографе стояло именно это слово.

² Курсив наш, — В. Е.-М.

«Рыцарь на час» (см. выше, стр. 115), поэт присоединил к ним прозаическую заметку, в которой сосланного на каторгу революционера (М. И. Михайлова) также назвал «*братом*» и возгласил «честь и славу» тем, «чьи порывы способны переходить в дело», — то нельзя не сделать вывода, что ощущение братской связи с деятелями революции в душе Некрасова было проявлением прочного и длительного, отнюдь не случайного настроения.

Политическую остроту данного стихотворения усиливало то, что оно было написано в год польского восстания, оживившего надежды русских революционеров, но вызвавшего люютую злобу в стане охранителей.

Говоря о борьбе Некрасова-поэта с реакцией в трехлетие от 1862 по 1864 год включительно, следует отметить, что Некрасов использовал в ней, преимущественно, лирические жанры. Однако время от времени он обращается к сатире. Одно из этих обращений представляет собой ярчайшее доказательство того гражданского мужества, на которое в иных случаях был способен поэт.

Мы имеем в виду стихотворение «Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича Рудометова 2-го, уволенного в числе прочих в 1857 году». Оно принадлежит к числу наиболее злых сатир Некрасова. Поэт как бы говорит им, что дикая реакция, ознаменовавшая данный период времени, привела к тому, что и учеными учреждениями, и цензурным ведомством, и обширными краями государства российского управляют оголтелые реакционеры, которые при ближайшем рассмотрении оказываются людьми абсолютно невежественными, яростными гонителями науки, литературы, журналистики, книжного дела, а в тех случаях, когда им приходится возглавлять администрацию вверенных им «обширных краев», способными администрировать по более чем несложному «девизу»:

Блюди — и усмирят!

Сформулировав этот девиз, Некрасов в известной мере предварил Щедрина как бессмертного автора «Помпадуров и помпадурш» и «Истории одного города».

Излишне доказывать, что образ Рудометова имеет реальнейшую основу. Разве эпоха Александра II редко и мало выдвигала на высшие посты невежественных и злобствующих обскурантов? Разве прототипами Рудометова не могли быть такие деятели, как министр народного просвещения адмирал Путягин, стремившийся ввести казарменные порядки в универ-

ситете? Разве граф Муравьев-Виленский, в просторечьи Муравьев-Вешатель, управлял Северо-Западным краем не по методу: «Блюда — и усмирай!»? Подобных примеров и ссылок можно было бы при желании привести множество. Однако в этом, думается, нет никакой надобности. И без того совершенно ясно, что в «Автобиографии Рудометова» Некрасов дал новый пример блестящего использования того приема, который он постоянно применял и которому был, в значительной степени, обязан тем, что произведения его приобретали все большее и большее общественное звучание: на основе штрихов и черточек, непосредственно выхваченных из жизни, списанных, так сказать, с натуры, Некрасову удавалось создавать картины и образы чрезвычайно широкого социального захвата. Рудометов, конечно, не адмирал Путятин, не гр. Муравьев-Виленский, но в его образе совмещаются штрихи и черты, характерные как для названных деятелей, так и для очень многих не названных. Рудометов — это тип сановного реакционера, столь распространенный в царской России того времени, это, если угодно, воплощение реакции.

